

Девять лет спустя земля покрылась снегом, укутав всё вокруг белым полотном, словно надеясь скрыть под ним любую нечистоту и изъян.

Карета проехала по снегу, оставляя за собой неровный след. Там, где колеса разрывали белую пелену, обнажалась темная почва, и со стороны это походило на два штриха, сделанных тушью на рисовой бумаге, причем местами тушь брызнула в стороны, оставив темные кляксы.

Снег все еще шел, хотя и заметно тише, чем в начале пути. Внутри кареты Чжао Сяомин накинул на спящего Цзюй Фу тяжелую меховую накидку цвета императорского желтка и бережно уложил его голову себе на плечо.

Закончив, он взял в руки ручную жаровню и спросил Янь Яня, который правил лошадьми снаружи:

— Даос Янь, как вы? Если замерзли, давайте остановимся. Я прикажу людям сменить вас на козлах.

Янь Янь, который как раз наслаждался тем, как снежинки тают, едва коснувшись кожи, услышав слова Чжао Сяомина, улыбнулся:

— Благодарю за заботу, господин. Я привык странствовать по свету, и не такое случалось, так что для меня это сущая мелочь.

Для него снег был в новинку — ведь на Небесном Дворе нет смены времен года. Конечно, он был знаком с Богами четырех времен года, но видеть их — это одно, а наблюдать бескрайние заснеженные поля своими глазами — совсем другое, и это приводило Янь Яня в неописуемый восторг!

Когда Фэн Цзи прежде брал его с собой в мир смертных, они чаще попадали на знойное лето или позднюю весну, а суровые зимы почти не встречались. Может, Фэн Цзи старался уберечь его от всего, что связано со стихией воды, зная, что он — Красная Птица, хотя огонь Красной Птицы не так-то просто потушить.

— Вот и хорошо. Если почувствуете недомогание, обязательно скажите, — он не хотел, чтобы в этой тайной инспекции случились неприятности еще до прибытия на место.

— Я запомню, — Янь Янь подумал, что Дицзюнь оказался куда приятнее в общении, чем он ожидал.

Поначалу Янь Янь полагал, что Чжао Сяомин будет похож на императоров из легенд или сказок, которые рассказывают уличные сказители. Но за девять лет он убедился, что Чжао Сяомин — человек на редкость достойный: он ответственен, никогда не злоупотребляет властью и не потворствует своим прихотям...

Если перечислять его достоинства, он был полной противоположностью тем правителям, о которых слагали байки. Даже опасения Цзюй Фу никогда не подтверждались. Янь Янь не понимал, почему тот вечно беспокоится, что Чжао Сяомин ведет себя слишком деспотично — почти каждый раз, когда император принимал решение, Цзюй Фу начинал терзаться сомнениями.

Порой Янь Янь даже не мог решить, кто из них — Цзюй Фу или Бог лета — больше любит печься о чужих делах.

Впрочем, разве можно назвать Чжао Сяомина деспотом? Янь Янь видел, что тот всегда прислушивается к мнению министров, и уж точно был куда лучше тех тиранов, о которых шептался народ.

Янь Янь ничего не смыслил в управлении государством, но он любил заходить на рынки и слушать разговоры простых людей, заглядывать в чайные, где сказители обсуждали поступки Чжао Сяомина. Мнение народа и перемены в их жизни лучше всего говорили о том, верны ли решения государя.

По крайней мере, из того, что видел Янь Янь, действия Чжао Сяомина были верными. Кто знает, как это выглядит в глазах остальных? А теперь, когда они направлялись в Цзяннань, им предстояло встретить ту самую девушку, о которой твердил Цзюй Фу. Что же будет дальше?

О Фэн Цзи, Фэн Цзи, куда же ты запропастился? Моя голова уже кругом идет!

Раньше подобные задачи решал Фэн Цзи, а ему оставалось лишь наблюдать за ходом событий и пускать в ход кулаки, когда требовалась сила. С чего бы ему сейчас так ломать голову?

Путь из Лояна в Цзяннань занял целых двадцать с лишним дней. Несколько раз из-за сильных снегопадов дороги оказывались заблокированы, и двигаться дальше было невозможно. Янь Янь хотел было растопить снег Огнем Наньмин Ли, но Цзюй Фу его остановил.

Цзюй Фу долго втолковывал ему, что все невзгоды, которые сейчас выпадают на долю Чжао Сяомина, уже предначертаны судьбой, и если они придут в Цзяннань раньше срока, никто не знает, как изменится будущее. А что, если они не встретят ту девушку?

Янь Янь, осознав свою неправоту, лишь молча кивнул и пообещал Цзюй Фу больше так не делать.

В день прибытия в Цзяннань снег чудом прекратился. Найдя постоянный двор, Янь Янь потащил Цзюй Фу на улицу. Странно, но Цзюй Фу, хоть и был Бессмертным, оказался ужасно мерзлявым: он укутался в темную накидку, от одного вида которой Янь Яню становилось жарко.

— Неужели ты и правда думаешь, что все такие же морозоустойчивые, как ты? Во всем нашем... ордене только такие огненные натуры, как ты, и такие ледяные, как некоторые другие, не боятся холода. А нам, обычным смертным, остается только посочувствовать.

Вспомнив об этом, Цзюй Фу невольно поежился, представив, как однажды его заставили смотреть на поединок Бога лета и Божества Зимы: от постоянной смены жары и холода он был готов взвыть.

Если бы Цзюй Фу не сказал, Янь Янь даже не догадался бы об этом:

— Я-то думал, вы ничего не чувствуете, а оказывается, все иначе.

— Чувствуем, конечно. Просто обычно мы поддерживаем внутреннюю энергию, поэтому особого дискомфорта нет. Но сейчас нам нельзя злоупотреблять божественной силой — иначе нас легко вычислят. Именно поэтому я и запретил тебе колдовать.

— Вот оно что, — Янь Янь вздохнул. Жаль, что в мире смертных нельзя использовать магию — слишком велик риск разоблачения.

Цзюй Фу взял Янь Яня за руку:

— Походим подольше, и согреемся. В Цзяннане много интересного, позволь мне показать тебе город.

Цзюй Фу бывал здесь раньше, когда сопровождал маленького Чжао Сяомина, но он был уверен, что для Янь Яня это первый визит — иначе тот не стал бы вытаскивать его гулять сразу после приезда.

За время долгого пути Янь Янь при первой же возможности тащил его изучать окрестности, проявляя любопытство ко всему. Особенно его поражал снег — он будто никак не мог наглядеться на него в дороге.

— Разве товары в конце зимы отличаются от тех, что продают в другое время? — спросил Янь Янь, озираясь по сторонам, пока Цзюй Фу тянул его за собой.

— Кое-что действительно другое. Например, еда, — Цзюй Фу больше всего любил зимние лакомства. Надо признать, люди умеют наслаждаться жизнью, создавая такое разнообразие блюд.

— Тогда идем скорее искать еду! — Янь Янь еще не пробовал местную кухню. В Лояне он перепробовал почти все, что было на улицах, а здесь все было в новинку.

Цзюй Фу кивнул:

— Хорошо-хорошо.

Строго говоря, Янь Янь приходился Цзюй Фу младшим. Когда Цзюй Фу служил Старцем Луны, нынешняя Красная Птица еще не была рождена. На его памяти сменилось уже семь воплощений Красной Птицы, и Янь Янь был восьмым. Оставалось лишь гадать, задержится ли он здесь надолго.

Из всех Четырех Символов Красная Птица и Байху менялись чаще остальных. Но нынешний Байху обладал мягким нравом, а Красная Птица оставалась прежней, разве что Янь Янь был не таким красноречивым, как его предшественники, что, пожалуй, было даже к лучшему.

Снова пошел снег. Возвращаясь на постоянный двор, они купили бумажный зонтик. Янь Янь хотел было постоять под снегопадом, но Цзюй Фу потянул его под укрытие.

Когда они вернулись, на третьем этаже стоял Чжао Сяомин и смотрел на них. Цзюй Фу поднял взгляд, и их глаза встретились. Лишь на мгновение, после чего Чжао Сяомин развернулся и вошел в свою комнату.

Янь Янь, разумеется, тоже заметил этот взгляд. Когда они поднимались на этаж, он тихо спросил:

— Что случилось?

— Ничего. Тебе не кажется, что он всю дорогу ведет себя как-то странно? — не зная, излишняя ли это подозрительность, Цзюй Фу никак не мог отделаться от этого ощущения. Но объяснить, что именно его тревожит, он не мог.

Это чувство неопределенности выматывало его куда сильнее, чем любые сложные любовные или враждебные переплетения судеб, с которыми ему приходилось сталкиваться.

— Разве он не всегда такой? Ты только сейчас заметил? — Янь Янь посмотрел на него с недоумением. Он-то думал, что Цзюй Фу все понимает, неужели тот так медленно соображает?

— Что значит всегда? — Цзюй Фу остановился и недоуменно взглянул на Янь Яня, который тоже замер.

Янь Янь ткнул его пальцем в лоб:

— Сколько я его помню, он всегда так себя вел. Он постоянно беспокоится о тебе. Хотя, кажется, твое присутствие в этом месте крайне важно для всех?

Все-таки Государственный наставник — пусть должность и не такая высокая, как у трех высших чинов, но, говорят, именно наставник отвечает за молитвы и жертвоприношения, общаясь с богами. Как же тут не быть важным? К тому же, сам Цзюй Фу — настоящий

Бессмертный.

— Пожалуй, ты прав... — хоть положение Государственного наставника и не самое высокое, но он — фигура незаменимая, и внимание Чжао Сяомина вполне объяснимо.

<http://bllate.org/book/21832/2261464>